

В некрологических характеристиках князей постоянно упоминается эта родовая политика, родовой „путь“ и „пот“, их „ревность“ предкам. Так, например, о сыне Владимира Мономаха, Мстиславе Великом, автор некролога говорит, что он „наследил отца своего пот, Володимера Мономаха великаго“.¹ Князья и сами постоянно осознают себя „володимеровым племенем“² или „ольговичами“, „единого деда внуками“, „внуками ярославлими“ или „всеславлими“.

Индивидуальность князя, в летописном изображении, вырисовывалась из сравнения его с князьями его рода, которым он „ревновал“ в своих действиях и княжении. В некрологической характеристике брата Игоря Святославича Новгород-Северского говорится, что он „во олговичех всех удалее рожаемь, и воспитаемь, и возрастом, и всею добротю и мужьственною доблестью, и любовь имяеши ко всим“.⁴

Отсюда возникала возможность характеристики не только одного князя, но целой ветви княжеского дома — характеристики положительной или осудительной, в зависимости от той политической ориентации, которой придерживался летописец. Ольговичи „скори бяхуть на пролитье крови“,⁵ говорит летописец по случаю неудачной попытки примирения между Юрием Долгоруким и южными князьями. Эта характеристика как бы смыкается по приемам своего составления с народными характеристиками целых групп населения — новгородцев, владимирцев, курян, рязанцев и т. д., о которых мы скажем несколько ниже. Однако в письменной литературе ее основы другие: они в том, что, характеризуя героя своего повествования, летописец имеет в виду не его психологию, а его политику, характеризует деятельность того или иного князя, его политическую линию, его поступки, а не их психологическую подоплеку.

* * *

Характер человеческий выступает в творениях древнерусского книжника в двух аспектах: либо как он сам хотел его представить — в его авторской „системе“, либо как мы можем его реконструировать по сообщаемым им фактам — прямо и косвенно. Возможности последнего аспекта не ограничены. Реконструкция эта может быть осуществлена и на основании литературных данных, и на основании документов. Не исключена возможность привлечения данных из области археологии, истории живописи или даже истории языка. Такова, например, попытка Б. А. Романова в его книге „Люди и нравы древней Руси“ (Л., 1947) восстановить характеры некоторых людей XI—XIII веков — Даниила Заточника, Владимира Мономаха, матери Феодосия Печерского и многих других, охарактеризовать круг интересов целых социальных групп древней Руси.

Литературоведа будет интересовать по преимуществу первый аспект, историка — второй. Литературоведа будет интересовать по преимуществу литература, авторская точка зрения, историка — реальная действительность, скрывающаяся за литературным произведением подлинная человеческая личность. Однако, поскольку литература не оторвана от действительности, а, напротив, тесно с ней связана, зависит от нее, грани

¹ Ипатьевская летопись, под 1140 г., стр. 217.

² Там же, под 1195 г., стр. 461.

³ Там же, стр. 463.

⁴ Там же, под 1186 г., стр. 467.

⁵ Там же, под 1151 г., стр. 301 (то же в Лаврентьевской летописи, под 1152 г., стр. 333).